

Алексей Апухтин

Архив графини Д.

Алексей Апухтин
Архив графини Д.

«Public Domain»

1890

Апухтин А. Н.

Архив графини Д. / А. Н. Апухтин — «Public Domain», 1890

ISBN 978-5-457-13679-3

«Многоуважаемая графиня Екатерина Александровна. Согласно данному мной обещанию, спешу написать Вам тотчас по приезде в мое старое, давно покинутое гнездо. Я уверен, что мои письма не могут интересовать Вас и что Ваше приказание писать было только любезной фразой; но я хочу доказать Вам, что всякое Ваше желание для меня закон, хотя бы оно было высказано в шутку...»

ISBN 978-5-457-13679-3

© Апухтин А. Н., 1890

© Public Domain, 1890

Содержание

1. От Александра Васильевича Можайского	5
2. От него же	6
3. От него же	7
4. От Василисы Ивановны Медяшкиной	9
5. Делепша от А. В. Можайского	10
6. От него же	11
7. От него же	12
8. От графа Д.	13
9. От Марьи Ивановны Бояровой	15
10. От графа Д.	17
11. От М. И. Бояровой	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Николаевич Апухтин

Архив графини Д.

Повесть в письмах

1. От Александра Васильевича Можайского

(Получ. в Петербурге 25 марта 18..)

Многоуважаемая графиня Екатерина Александровна. Согласно данному мной обещанию, спешу написать Вам тотчас по приезде в мое старое, давно покинутое гнездо. Я уверен, что мои письма не могут интересовать Вас и что Ваше приказание писать было только любезной фразой; но я хочу доказать Вам, что всякое Ваше желание для меня закон, хотя бы оно было высказано в шутку.

Прежде всего отвечу на вопрос, с которого начался наш последний разговор у Марьи Ивановны, т. е. почему и для чего я покидаю Петербург? Я тогда отвечал уклончиво; теперь скажу Вам всю правду. Я уехал потому, что разорился; я уехал для того, чтобы спасти остатки моего когда-то большого состояния. Петербург затягивает, как болото, и, пока живешь в нем, нет никакой возможности что-нибудь поправить.; Вот я и решился на радикальную меру, которая, по правде сказать, не стоила мне больших усилий, потому что петербургская жизнь порядочно мне надоела.

Но по какой-то непонятной иронии судьбы последний день, проведенный мною в Петербурге, заставил меня глубоко раскаяться в моем решении. Утром я заехал в английский магазин, чтобы купить дорожную сумку, и встретил там Марию Ивановну, которая пригласила меня приехать к ней вечером. На этом вечере Вы были со мной так очаровательно любезны, Вы выказали мне столько внимания, столько сердечного участия, что едва не поколебали мою решимость. И вспомнил я, как два года тому назад, на вечере у той же Марьи Ивановны, Вы так же ласково разговаривали с Кудряшиным, и как я мучительно ему завидовал. «Дмитрий Кудряшин, — думал я тогда, — мой товарищ, он столь же мало аристократ, как и я... За что же ему такое исключительное внимание от царицы петербургских красавиц? Неужели никогда не пробьет и мой час?» Увы! мой час пробил слишком поздно, но, во всяком случае, я от души благодарю ту, которая этим часом вознаградила меня за годы петербургского холода и скуки.

Я не смею надеяться, многоуважаемая графиня, что Вы захотите ответить на это письмо, но на всякий случай прилагаю мой адрес: губернский город Слободск. Мое имение в двадцати верстах от Слободска, и почту я получаю ежедневно.

С глубоким уважением имею честь быть искренно Вам преданным.

А. Можайский

2. От него же

(Получ. 3 апреля.)

Как мне благодарить Вас, многоуважаемая графиня, за Ваши теплые, дружеские строки? Не зная Вашего почерка, я равнодушно разорвал конверт, но, посмотрев на подпись, вскочил с места от восторга. Вы удивляетесь тому, что, живя так долго в одном городе, я до сих пор не замечал Вас... О, как жестоко Вы ошибаетесь! Каждая встреча с Вами оставляла в моем сердце глубокий след, какую-то смесь восхищения и горечи... Да и как можно не заметить этой строгой античной красоты, этой царственной поступи, этого задумчивого взгляда, до того проникающего в душу, что, когда Вы опускаете глаза в землю, Вашему собеседнику кажется, что Вы продолжаете смотреть на него сквозь закрытые веки... Но что же я мог сделать, чтобы высказать мои восторги? Вы казались так недоступны, так мало обращали на меня внимания... Раз я преодолел свою робость, сделал Вам визит, конечно, не застал дома и через три дня нашел у себя карточку графа. На этом наше знакомство остановилось.

Вы спрашиваете, почему я заговорил о Кудряшине, и желаете знать мое мнение о нем. Кудряшина я знаю с детства, мы воспитывались вместе в лицее. Он был тогда очень красивым и добрым малым и бесшабашным кутилой; таким же он был после в гусарах, таким же остается и теперь в отставке. В нем нет ничего возвышенного, он слишком *terre-a-terre*¹, – вот почему я удивлен был Вашим вниманием к нему, и вот почему я заговорил о нем. Никакой другой цели у меня при этом не было.

Теперь все мои помыслы устремлены на то, чтобы поскорее кончить устройство или даже расстройство моих дел и иметь возможность приехать зимой в Петербург. Вместе с Вашим письмом пришло ко мне письмо от известного одесского богача Сапунопуло. Он на днях проездом был у меня, подробно осматривал мое имение и теперь вызывает меня в Одессу, предлагая какую-то очень хитрую комбинацию. Завтра я уезжаю, а дней через десять надеюсь вернуться, – и кто знает? – может быть, на своем письменном столе найду маленький конверт с графской короной. Поверьте, что при распечатывании этого конверта я особенного равнодушия испытывать не буду.

А что значит загадочная фраза: «Может быть, увидимся раньше, чем вы ожидаете»? Припоминаю, что Вы говорили мне о какой-то старой, больной тетушке, живущей в Слободской губернии. Не собираетесь ли Вы посетить ее? Вот было бы счастье! Какая досада, что я не спросил у Вас фамилию этой тетушки, – я бы, конечно, разыскал ее и с блаженством покрыл поцелуями ее сморщенные руки, потому что она Ваша тетушка, потому что она так стара и больна и потому что я чувствую себя опять молодым и способным жить и наслаждаться.

А пока, за неимением сморщенных тетушкиных рук, позвольте мне мысленно приложиться почтительно к той белоснежной ручке, которая будет держать это письмо.

*Бесконечно Вам преданный
А. Можайский*

¹ заурядный (*фр.*).

3. От него же

(Получ. 15 апреля.)

Ура! милая, дорогая графиня, – я не в силах называть Вас только «многоуважаемой», – ура! я отгадал: Вы собираетесь навестить тетушку. Лучше этого Вы ничего не могли придумать. Если б я знал, что тетушку зовут Анной Ивановной Кречетовой, я давно мог бы дать Вам о ней самые точные сведения. Правда, я никогда ее не видал, но с раннего детства много о ней слышал, потому что она имела какой-то процесс с моим отцом. Она живет все в той же деревне, в которой протекла часть Вашего детства, т. е. в Красных Хрящах (какое ужасное название!). Эти Хрящи в тридцати верстах от Слободска, но в другую сторону от моей Гнездиловки. Впрочем, если, минуя город, ехать проселком, между нами будет не более тридцати двух или тридцати трех верст.

Вчера, получив Ваше письмо, я, конечно, сейчас поскакал в город исполнять Ваше поручение. Отыскать Вашу подругу детства мне было очень легко, так как я с Надеждой Васильевной хорошо знаком; ее муж управляет у нас палатой государственных имуществ. Надежда Васильевна была очень тронута Вашим воспоминанием; сегодня я снарядил ее в Хрящи, чтобы зондировать тетушку. О результатах этой поездки имею честь почтительнейше донести.

Тетушка, узнав, что вы собираетесь к ней приехать, выразила безумную радость. Она сказала, что Вы ее ближайшая родственница, что она любила Вас, как дочь, что ссора с Вами была самым сильным горем ее жизни, но что теперь, если Вы решились забыть прошлое, она примет Вас с распростертыми объятиями. Она сама напишет Вам об этом, если хватит силы. Она действительно очень стара и больна. У нее живут две ее двоюродные племянницы, княжны Пыщевские, на которых, по замечанию Надежды Васильевны, известие о Вашем приезде произвело не особенно приятное впечатление. Эти княжны, вероятно, боятся потерять тетушкино наследство, – очень оно Вам нужно! Кроме того, при тетушке живет давно, – Вы, может быть, видали ее в детстве, – какая-то Василиса Ивановна Медяшкина. Это простая приживалка, но забрала такую власть над тетушкой, что распоряжается решительно всем.

Мне остается ответить на два пункта Вашего письма. Поездка моя в Одессу была не бесплодна. Операция заключается в том, что Сапунопуло сразу уплачивает все мои долги и за это берет меня, т. е. все мое имущество, в кабалу на неопределенное число лет. Мы спорим о подробностях, но, вероятно, придем к соглашению. Ликвидация усложняется тем, что у него есть дочь Сонечка, которая очень со мною кокетничает. Мне кажется, что во мне ей нравится не столько наружность, сколько придворное звание. Эта девица немногим моложе меня, дурна, как смертный грех, и имеет всевозможные претензии: говорит на пяти языках, играет на фортепиано и на арфе; кроме того, поет и даже пишет стихи. В такую энциклопедическую кабалу я, конечно, не пойду.

Зачем Вы непременно хотите знать, от кого и что я слышал о Вашей дружбе с Кудряшиным? Клянусь же Вам, что я решительно ничего не слышал, а упомянул о Кудряшине потому, что раз действительно ему завидовал, видя, как Вы были с ним любезны. Да и что такое я мог слышать? Вы не только царица по красоте, – Вы и во всех других отношениях стоите на такой недостижимой высоте, что никакая злая клевета не может дотянуть до Вас своего змеиного жала.

А теперь позвольте мне на время забыть и Кудряшина, и Сапунопуло с дочерью, и все остальное, чтобы предаться одному занятию: считать дни и часы до того счастливого мгновения, когда приезд Ваш окончательно сведет с ума и без того уже безумного, но искренно Вам преданного

А. Можайского.

4. От Василисы Ивановны Медяшкиной

(Получ. 17 апреля.)

Ваше Сиятельство. Тетушка Ваша и моя благодетельница Анна Ивановна приказали мне написать Вам, что они будут ждать Вас с радостью и нетерпением; сами же они писать не могут по причине большого ослабления. А я-то как буду рада повидать Вас! Вы, конечно, меня забыли, а я хорошо помню, как Вы здесь бегали такой миленькой крошкой и своими невинными ручонками били меня по щекам и приговаривали: «Вот тебе, Селися!» А еще просят Вас Анна Ивановна привезти им черносливу французского в синих коробках. Здесь этого чернослива ни за какие деньги достать нельзя, а тетушка его очень любит, и он помогает ихнему пищеварению.

Целую ручки Вашего сиятельства и остаюсь рабски Вам преданная *Василиса Медяшкина*.

Приезжай скорее, друг мой Катя.

Твоя Анна Кречетова

5. Деша от А. В. Можайского

(Получ. в Москве 22 апреля.)

Умоляю не телеграфировать тетушке о приезде; встречу на станции с дормезом и лошадьми, которые помчат Вас, куда прикажете.

Можайский

6. От него же

(Получ. в Красных Хрящах 29 апреля.)

Нужно ли говорить Вам, милая, дорогая графиня, что день, проведенный с Вами, никогда не изгладится из моей памяти, что тяжелые яства Надежды Васильевны показались мне самым тонким обедом, что те три часа, которые я провел потом с Вами в ожидании лошадей, были счастливейшими часами моей жизни? Вы спросили меня на прощанье, отчего я не предложил Вам провести этот день в Гнездиловке? Боже мой! отчего... отчего... Да, конечно, оттого, что не посмел! Неужели же Вы думаете, что я не желал этого? Неужели Вы не видите, что вся моя жизнь принадлежит бесповоротно Вам? Я ничего у Вас не прошу, ни на что не надеюсь, мое счастье – чувствовать себя Вашим рабом и знать, что у меня есть какая-нибудь цель в жизни.

Вы, конечно, не забыли, милая графиня, своего обещания обедать у меня завтра с Надеждой Васильевной. Представьте себе, что этот обед приходится отложить, потому что Ваша подруга заявила, что она ехать ко мне без мужа не может (какая провинциальная чопорность), а муж встречает какого-то сановника, который в 6 часов проезжает через Слободск. Надежда Васильевна просит перенести обед на послезавтра, и я надеюсь, что Вы против этого ничего не имеете, но тут является следующая complication. Вы сговорились ехать на лошадях Надежды Васильевны, а тетушкины одры должны были отдыхать в городе, но так как Надежда Васильевна едет с мужем на двухместном фэртоне и для Вас места нет, то не согласитесь ли Вы, не заезжая в город, приехать ко мне прямо проселком? Маршрут Ваш будет следующий: до паромы Вы доедете по известной Вам дороге, после переправы Вы повернете налево на Селихово и Огарково, потом свернете на большую дорогу и на седьмой версте увидите направо от дороги старый гнездиловский дом, который весь расцветет, когда Вы переступите его порог, как расцвело мое еще не старое, но уже помятое жизнью сердце. Выезжайте пораньше, часов в девять. Мы позавтракаем в той беседке, в глубине сада, о которой я Вам говорил, и терпеливо будем ждать добрую, но скучную Надежду Васильевну и ее столь необходимого для нее мужа.

Это письмо я решаюсь послать со своим приказчиком. Жду на коленях милостивого ответа.

А. Можайский

7. От него же

(Получ. 4 мая.)

Милая моя Китти, ради бога позволь мне приехать в Хрящи и представь меня тетушке; а это ужасно – жить от тебя так близко и в то же время так далеко. Будь спокойна, я буду вести себя примерно, не выдам ни себя, ни тебя.

Твой А. М.

8. От графа Д.

(Получ. 6 мая.)

Наконец-то, милая Китти, получил я твое извещение о благополучном прибытии в тетушкины Хрящи. Решительно не понимаю, что ты могла так долго делать в Москве. Впрочем, Москва, как говорил мой приятель, тем и отличается от Петербурга, что в Петербурге живем мы, а в Москве живут наши родственники. А от московских родственных обедов отбояриться трудно. Как странно, что тетушка не получила твоей депеши из Москвы, и какое счастье, что ты встретила на станции этого Можайского, который достал тебе карету и лошадей. Какой это Можайский? Камергер, бывший лицеист? Я его встречал на выходах во дворце и кое-где в обществе, но решительно не помню, чтобы он когда-нибудь был у нас и чтобы мне приходилось отдавать ему визит. Впрочем, тот ли это Можайский или какой-нибудь другой, – во всяком случае, большое ему спасибо.

Очень рад, что твои первые впечатления приятны и что чернослив поправился тетушке. Я велел Смурову² высылать ей каждую неделю по две коробки. Как Генрих IV сказал: «Paris vaut bien une messe»³, так и я скажу: тетушкины Хрящи стоят нескольких коробок чернослива. Положим, мы с тобой имеем довольно и своего, но сорок лишних тысяч дохода никогда не мешают. А у нее, я думаю, не меньше.

Через час после твоего отъезда ко мне вбежала Марья Ивановна, или, по-твоему, Мери, вся растрепанная, в сильном волнении, и начала шарить в твоих ящиках, ища какую-то очень важную записку. Напрасно я ей объяснял, что твой архив ведется в таком порядке, какого можно пожелать любому государственному архиву, что он под семью замками, так что и мне невозможно в него «запустить глазенасы», как говорят моветоны у нас в клубе, – она все продолжала шарить, ничего не нашла и уехала в большом горе. Я воображаю, какая это важная записка!

У нас никаких особенных новостей нет. Во вторник, возвратясь из клуба, я был очень удивлен, увидя в швейцарской целую гору карточек; я совсем забыл, что это был твой приемный день. Швейцар по твоему приказу говорил просто: сегодня приема нет. Я не совсем понимаю, отчего ты пожелала окружить свою поездку какой-то тайной. Если бы ты уезжала на пять дней, это бы еще можно было скрыть, но как ты скроешь, если тебя не будут видеть две-три недели? Да и теперь уже кое-кто знает, и вчера баронесса Визен, – эта вестница Европы⁴, как я ее называю, – спрашивала меня: правда ли, что ты поехала получать большое наследство? На завтра мы приглашены обедать в австрийское посольство. О тебе я написал, что ты нездорова, а самому придется ехать, как это ни скучно. В городе опять усиленно говорили об Обществе спасения погибающих девиц. Хотят выбрать председательницей княгиню Кривобокую, но она, говорят, колеблется, потому что еще не знает, как на это Общество смотрят en haut lieu⁵. Игра моя в клубе идет хорошо; вчера встретил на Морской Софью Александровну, которая пригласила меня завтра играть у нее в винт запросто, в сюртуке.

Прощай, милая Китти, приезжай поскорее, но, конечно, если увидишь, что полезно еще пожить у тетушки, не стесняйся. Впрочем, не мне тебя учить, при твоём уме и такте. С такой женой, как ты, можно спокойно спать во всех отношениях. Дети здоровы и целуют тебя.

² Смуров С. Г. – купец, имевший в Петербурге торговлю колониальными товарами, фруктами и овощами.

³ Париж стоит мессы (фр.). – Выражение «Париж стоит мессы» приписывается королю Франции (1589–1610) Генриху IV, который в ходе религиозных войн вынужден был принять католичество в целях укрепления королевской власти.

⁴ Каламбур, в котором обыгрывается название известного журнала «Вестник Европы».

⁵ в высших сферах (фр.).

Твой муж и друг Д.

Если встретишь Можайского, поблагодари его от моего имени за все, что он сделал для тебя.

9. От Марьи Ивановны Бояровой

(Получ. 7 мая.)

Я так обрадовалась письму твоему, милая Китти, что у нас вышла целая семейная драма. Мы сидели за завтраком, когда принесли письмо. Узнав твой почерк, я вскрикнула и покраснела от радости. Ипполит Николаевич сейчас же «возымел некоторое подозрение», как он выражается, и, когда дети ушли, начал приставать, чтобы я показала ему письмо. Я рассердилась и промучила его целый час; он все время читал наставления и говорил колкости. Наконец, когда он сравнил меня с Клеопатрой⁶, с женой Пентефрия⁷ и еще с кем-то, я показала ему твою подпись. Он был очень сконфужен, *et a mon tour je lui ai dit des choses*⁸. Я сказала, что такого тупого, подозрительного человека и с таким кислым лицом никогда не назначат министром и что он всю жизнь останется товарищем. Это его самое больное место.

В день твоего отъезда у меня случился целый переполох с запиской Кости Неверова, которую я привозила показать тебе утром. Я вообразила, что забыла эту записку у тебя, и перерыла все твои ящики. Граф уверял меня, что твой архив под семью замками, но это меня несколько не успокоило: не могла же ты поместить в свой архив письмо ко мне! *Je ne puis pas te cacher, qu'a cette occasion ton mari m'a fait un brin de cour*⁹. Я была в отчаянии, что Костина записка могла попасть в чужие руки, *car ce billet compromettrait tout autant son maitre d'orthographe que moi*¹⁰, и представь себе, что на следующее утро нашла ее на полу у себя в спальне.

Ну что ты подделываешь у своей тетушки? Я отсюда вижу, как ты спрятала *tes airs de reine*¹¹ и вошла с опущенными глазками, с видом Мадонны, и как тетушка и все ее приживалки были к вечеру пленены и околдованы тобою. Что Можайский? Отчего ты не пишешь мне никаких подробностей? Кто лучше: он или Кудряшин? Если бы мне велели выбрать одного из них, я бы выбрала Кудряшина. Можайский *n'est qu'un poseur*¹² и все время рисуется, а у Кудряшина вся душа нараспашку. Впрочем, тебе это лучше знать, а мне не надо никого, кроме моего Кости. Я никогда не думала, что полюблю его так сильно. Он проводит у меня целые дни, и Ипполит Николаич *avec la perspicacite qui le caracterise n'en est nullement jaloux*¹³. Новый учитель наш, Василий Степаныч, которого, кажется, ты видела, начинает немного в меня влюбляться, и у Кости происходят с ним каждый день презабавные стычки. Василий Степаныч большой либерал, а Костя страшный консерватор, и оба говорят такие глупости, что просто уши вянут. Мне стыдно сознаться, – но ведь я ничего от тебя не скрываю, – что никогда я не люблю Костю так сильно, как в то время, когда он говорит свои глупости. Лицо его разгорится, глаза блестят, он смотрит на своего противника так грозно и с такой отвагой, что я уже не слушаю, а только люблюсь им. Я несколько не ослеплена насчет Кости. Я знаю, что он не особенно умен, *son education laisse a desirer*¹⁴; я знаю, что глупо так привязаться

⁶ Клеопатра – египетская царица (69–30 гг. до н. э.), была возлюбленной римских императоров Юлия Цезаря, Марка Антония.

⁷ Согласно библейскому сказанию Иосиф Прекрасный был продан в рабство телохранителю египетского фараона Пентефрию. Его жена домогалась любви Иосифа.

⁸ в свою очередь я наговорила ему неприятных вещей (фр.).

⁹ Не могу скрыть от тебя, что по этому случаю твой муж немножко поволочился за мной (фр.).

¹⁰ так как эта записка компрометировала не только его учителя орфографии, но и меня (фр.).

¹¹ надменный вид королевы (фр.).

¹² всего лишь позер (фр.).

¹³ несмотря на свойственную ему проницательность, несколько не ревнует (фр.).

¹⁴ его воспитание оставляет желать лучшего (фр.).

к нему, но что же делать, *c'est plus fort, que moi*¹⁵. Вчера он привозил ко мне своего брата Мишу, камер-пажа, который через два месяца будет также офицером. Этот Миша тоже очень красив, но ни лицом, ни манерами нисколько не напоминает брата: *Il est tres doux, tres blond et tres distingue*¹⁶. Я пари держу, что они от разных отцов. *On dit que la vieille madame Неверов ne se refusait rien dans le temps*¹⁷ и только под старость сделалась святой женщиной.

У нас ничего нового нет, все идет по-старому. Много говорят о Нине Карской, которая все живет за границей и выделяет бог знает что. Тот парижский скандал, которому ты еще не хотела верить, оказывается совершенной правдой; баронесса Визен рассказывает его со всеми подробностями... Только от кого она могла узнать все это? Не сама же Нина ей написала!

Ну, прощай, милая Китти, надо кончить письмо, а то я буду болтать с тобой до завтра. Пиши мне почаще и продолжай соединять полезное с приятным. Я всегда считала тебя необыкновенной женщиной, но то, что ты сделала теперь, это – *comble*¹⁸ ловкости. Исполнить свой минутный каприз и за это получить сорок тысяч дохода – *c'est un trait de genie, ou je ne m'y connais pas*¹⁹.

Твоя Мери

¹⁵ это сильнее меня (*фр.*).

¹⁶ он очень мягкий, очень светлый и очень изыскан (*фр.*).

¹⁷ говорят, что старая госпожа... в свое время себе ни в чем не отказывала (*фр.*).

¹⁸ верх (*фр.*).

¹⁹ это гениально, или я ничего в этом не смыслю (*фр.*).

10. От графа Д.

(Получ. 15 мая.)

Ну, ты, кажется, совсем застряла у тетушки, моя милая беглянка. Я не смею роптать, потому что, если ты там остаешься, значит, так нужно, но все же тяжело переносить разлуку с такой красивой и милой женой. Да и ты, я думаю, соскучилась по мне... Кто там тебя, бедную, приласкает.

Все, что ты мне пишешь о тетушке, заставляет меня надеяться, что разлука наша, по крайней мере, не будет бесплодна. Особенно знаменательны слова тетушки: «Все, что твое, – мое», но только мне кажется, что она должна была сказать наоборот. Теперь позволь мне дать тебе совет относительно распределения подарков при твоём отъезде. Княжны Пышечкине – наши враги, их все равно ничем не купишь, а потому я думаю, что им можно не давать никаких подарков. Василиса – дело другое, ее можно и должно купить, но только таким людям давать сразу много не следует, им нужно больше показывать перспективу будущих благ. Платье отдай ей теперь, а шаль можно будет прислать к празднику, да, если можно, сунь ей что-нибудь деньгами.

Я, кажется, писал тебе, что Софья Александровна приглашала меня на партию винта, запросто, в сюртуке. Оказалось, что она говорила это всем своим знакомым, которых встречала в течение трех дней. Я приехал в одиннадцатом часу и нашел человек пятьдесят, которые барахтались в ее маленькой квартирке, одним словом, вечер en forme²⁰. К счастью, я в тот день обедал в австрийском посольстве, а потому одет был не запросто, а как следует. Видел там твою Мери и с большим удовольствием поговорил с ней, потому что она косвенно напоминала мне тебя. Только зачем при ней неотлучно состоит эта громадная каланча Неве-ров? Мери слишком умная женщина, чтобы находить удовольствие в его обществе.

Третьего дня я был очень встревожен тем, что твоя моська целый день ничего не ела и как-то странно стонала. Я сейчас же послал за ветеринаром; он ее чем-то вымазал и дал лекарство; сегодня она, слава богу, совсем здорова. Дети здоровы и целуют тебя.

Твой муж и друг Д.

²⁰ по всей форме (*фр.*).

11. От М. И. Бояровой

(Получ. 16 мая.)

Спасибо, милая Китти, за твое большое дружеское письмо.

Даже такая непроницаемая для всех женщина, как ты, и та чувствует потребность иметь кого-нибудь, с кем можно говорить а *sœur ouvert*²¹. Кого же тебе и выбрать, как не меня, которая обожает тебя с детства? *Mais pourquoi me recommandes-tu la discretion?*²² Про себя я разболтаю все, что хочешь, но если дело касается тебя, то умею молчать. Архива у меня нет, и все твои письма я как прочту, так сейчас же рву. Мне также надо рассказать тебе много смешного и много грустного. Во-первых, у нас опять произошла семейная драма. Ипполит Николаич, просматривая учебные тетради Мити, вероятно, заглянул в ящик учителя и открыл послание в стихах, в котором Василий Степаныч объяснялся мне в любви. Я думаю, что он никогда не решился бы поднести мне эти стихи, а писал их для своего собственного удовольствия, *mais il a eu la sottise de placer mes initiales a la tete*²³. Ипполит Николаич, конечно, сейчас же возымел подозрение, рассчитал учителя и велел ему через час покинуть наш дом, потом пришел делать сцену мне. Я была еще в постели и спросонья испугалась, думая, что он узнал что-нибудь про Костю, но когда он начал читать преступное стихотворение, я не могла удержаться от хохота. Каковы эти стихи, можешь судить по последнему куплету:

Сбрось этот бархат, эти блонды²⁴,
Услышь, услышь любовь мою
И пред могуществом природы
Склони головку ты свою.

Как я ни уговаривала Ипполита Николаича примириться с учителем, он остался непреклонен, уверяя, что поэзия имеет страшное влияние на слабое сердце женщины. Я думаю, во всем мире не было еще такого примера, чтобы какая-нибудь женщина изменила мужу из-за стихов, особенно таких, в которых блонды рифмуют с природой. И зачем ему понадобились эти блонды? Я их отроду не носила. Боясь, что по своим «принципам благоразумной экономии» Ипполит Николаич обсчитал учителя, я послала ему через Митю пакет с деньгами, но он деньги сейчас же послал обратно, причем написал мне, что сохранит обо мне самое светлое воспоминание на всю жизнь. Мне жаль Василия Степаныча: он говорил иногда много глупостей и писал плохие стихи, но человек был хороший. Костя также его жалеет, потому что ему теперь некого громить и уничтожать после обеда. Впрочем, Костя такой консерватор, что даже моего мужа считает либералом, и как-то заявил мне, что не мешало бы Ипполита Николаича согнуть в *бараний рог*. Этот бараний рог так ему понравился, что он повторил его раз пять, прибавляя, что это отличный каламбур. Я вовсе не разделяла этого мнения; разные грубые выходки Кости в подобном роде давно меня коробили, но на этот раз я опять промолчала. Наконец, я потеряла терпение, и мы поссорились серьезно. Надо тебе сказать, что на вечере у Софьи Александровны я встретила твоего мужа. Он приехал с какого-то обеда, *tres elegant et tres rajeuni*²⁵, он остригся под гребенку, и это к нему очень идет, потому что

²¹ по душам (фр.).

²² Но почему ты просишь меня сохранить все в тайне? (фр.).

²³ но он имел глупость поместить мои инициалы в начале (фр.).

²⁴ Блонды – шелковые кружева.

²⁵ ...очень элегантный и помолодевший (фр.).

уменьшает седину. Он сейчас же подсел ко мне и начал самым настоящим образом за мной ухаживать. Меня это забавляло, но Костя вдруг так насупил брови и начал смотреть такими зверскими глазами, что я, боясь какого-нибудь скандала, поспешила уехать. На другой день я шутя распекла Костю за такую мимику, но он совершенно серьезно начал обвинять меня в кокетстве и кончил тем, что я такая женщина, «которая готова вешаться на шею всякому штатскому». Я не вытерпела и высказала ему все, что у меня в последнее время накопилось на душе. Он рассердился и уехал, не простившись, а я всю ночь думала о том, какие мы, женщины, жалкие существа. В самом деле, кем мы увлекаемся, для кого мы жертвуем всем на свете?! К утру я твердо решила прекратить мою связь с Костей, и, если бы он приехал на другой день в свой обычный час, клянусь тебе, что теперь все было бы кончено между нами. Но его что-то задержало, он не приехал ни утром, ни к обеду. Тогда я вообразила, что *он* бросил меня и никогда больше не приедет. Эта мысль показалась мне так обидна, что тотчас после обеда я написала ему, прося приехать для решительного объяснения, но его нигде не нашли, и записка вернулась ко мне в девять часов. Мне нужно было ехать к княгине Кривобокой, но я не имела силы пойти одеваться и просидела весь вечер в маленькой гостиной в каком-то оцепенении. Все мои обиды, все решительные планы разлетелись, как дым. У меня было одно желание: увидеть его на секунду, убедиться, что мы не в ссоре. Наконец, в двенадцатом часу раздался сильный звонок. Это мог быть или он, или Ипполит Николаич, который иногда делает мне эти сюрпризы и приезжает из клуба раньше двух часов. Я вся замерла в ожидании, но – что было со мной, когда раздались Костины шаги в зале, когда я увидела это милое лицо, улыбавшееся какой-то виноватой улыбкой!.. Вот видишь, Китти, за такие минуты можно много перестрадать и все простить! Не брани, а пожалей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.